

2

РЕЧИ НА ЗАСЕДАНИИ В ДОМЕ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

Д. БОГЗА, А. ВУЧО, НГУЕН КОНГ ХОАНА и Х. Л. ЭПСЕНА

ХАНС ЛУНГБИ ЭПСЕН

Датский писатель (р. 1922)

Мне оказана высокая честь быть приглашенным в Москву в связи с пятидесятилетием со дня смерти Льва Толстого. За это приглашение, которое меня очень обрадовало, разрешите поблагодарить Союз писателей.

Я могу смело утверждать, что Толстого в Дании любят так же, как и в любой другой стране, не говоря уже, конечно, о любви к нему в Советском Союзе.

В Дании переведены и неоднократно издавались почти все произведения Толстого, начиная от «Севастопольских рассказов» с их впечатляющим и внушающим ужас изображением войны, явившимся образцом для других писателей более позднего поколения, писавших в этом жанре, и кончая его романами, из которых наибольшую известность и любовь завоевали «Война и мир» и «Анна Каренина».

Роман «Война и мир» выходил в Дании во многих изданиях. Недавно издательство «Guldendal» выпустило прекрасно оформленное трехтомное издание этого произведения. К сожалению, ни одно из предыдущих изданий не было полным, и это явилось большой погрешностью (чтоб не употреблять более резкого выражения) в отношении творчества такого классика, каким является Толстой. Но последнее издание, где сокращения доведены до минимума, дает датчанам возможность познакомиться с этим шедевром литературы почти в полном объеме. Вряд ли какой-нибудь другой роман во всей мировой литературе представляет собой столь широкое полотно и дает столь глубокий психологический анализ; вряд ли существует какой-либо другой роман, где так ярко использованы все краски палитры для изображения судеб народа и его суровой борьбы.

Если «Война и мир» пользуется в Дании и любовью и уважением, то «Анну Каренину» просто любят. Не знаю, есть ли в этом произведении нечто специфически датское (кажется, нет), но этот роман очень близок датчанам. В наших библиотеках это одна из наиболее читаемых книг. Переживания Анны, ее страдания волнуют нас глубиной и силой чувств. Толстой хорошо знал мрачные стороны человеческой души, без изображения которых литература была бы лишена искренности.

В XIX столетии, которое можно назвать веком романа — достаточно вспомнить имена Бальзака, Диккенса, Достоевского, Флобера и Толстого, — Толстой возвышается, как вековой дуб, который простирает к нам свои могучие ветви. Этот гигант щедро одаряет нас богатством своего творческого воображения.

Произведения Толстого широко известны повсюду. Нам — младшему поколению писателей — есть за что его благодарить и есть чем восхищаться. Эту благодарность и восхищение я выражаю от имени датских писателей. Благодаря своему искусству, Толстой стал одним из тех художников, которые создают тесную связь между народами. Мне кажется, что это наивысшая оценка писателя, поэтому имя Толстого мы признаем с восхищением, уважением и любовью.

Перевод с датского А. Я. Э м з и н о й.

НГУЕН КОНГ ХОАН

Вьетнамский писатель (р. 1903)

Дорогие друзья!

Для меня большая честь представлять Союз писателей Вьетнама на чествовании памяти Льва Толстого, великого писателя, учителя и наставника литераторов всего мира. Позвольте мне от имени вьетнамских писателей передать нашим друзьям, советским писателям, и всем друзьям, присутствующим здесь, искренний привет.

Дорогие друзья, мне, скромному ученику и поклоннику великого Толстого, трудно в нескольких словах передать все, что переполняет мое сердце.

Во многих выступлениях уже говорилось о том, какое влияние оказывают произведения Толстого на читателей и как люди во всем мире ценят и любят книги великого Толстого. Мне хотелось бы привести несколько простых примеров, рассказывающих о том, как велико влияние произведений Толстого на наших читателей и как они дорожат его бессмертными творениями.

В тяжелые дни войны против французских колонизаторов находились люди, которые, боясь трудностей и лишений, оставались во временно захваченных врагом городах, — это были, в основном, выходцы из помещичьих и буржуазных семей. В то время, когда народ боролся не на жизнь, а на смерть, эти люди искали спокойной и сытой жизни.

В одной из таких семей, пошедших в услужение к колонизаторам, был юноша, которого отдали во французскую школу. Когда он изучил французский язык настолько, что смог читать, он, не зная, каким путем, раздобыл у своих друзей несколько книг русских авторов, хотя колонизаторы в то время всячески препятствовали тому, чтобы наша молодежь занималась чтением, а тем более читала книги писателей России, страны коммунизма. Юноша прочел книги Толстого и стал думать над смыслом жизни, над тем, какое воспитание получил он в своей семье. Он понял, что должен стать на путь духовного совершенствования и бросить праздный образ жизни человека «*somme il faut*», который он вел. Этот юноша связался потом с движением Сопротивления и ушел в освобожденный район, оставив родителей, сбросив иго мещанского благополучия, навязанного ему семьей. Он был счастлив, когда ему доверили работу в освобожденном районе. Он часто говорил: «Жаль, что во вьетнамском языке односложные имена, а то я взял бы себе имя Николеньки Иртеньева».

Вспоминаю другого юношу. Уже с первых дней войны он стал одним из участников Сопротивления. Трудно рассказывать обо всех тяготах, которые тогда выпадали на их долю. Приходилось носить за плечами в своем вещевом мешке буквально всё: одежду, одеяло, провизию и множество других вещей. Все это приходилось то разбирать, то укладывать снова. Так вот, в мешке у юноши, кроме всего этого, была еще целая кипа исписанных листов бумаги — переписанный от руки роман «Анна Каренина» на вьетнамском языке. Попросив на время чужую книгу, он переписывал этот роман на привалах, пока товарищи его отдыхали. Это был поистине огромный труд. Этот юноша пронес книгу Толстого по тяжелым, залитым кровью дорогам войны; эта книга прошла вместе с ним, может быть, тысячи километров.

Здесь, в день юбилея писателя, который отмечается и в моей стране, я говорю об этих проявлениях нашей любви к Толстому, и думаю мне, что великий Толстой полюбил бы наших читателей, людей далекого Вьетнама, народ моей страны, любящий и почитающий все ценное в мировой культуре.

Мне вспоминается отрывок из разговора Ленина с Горьким о Толстом. Ленин спросил:

— Кого в Европе можно поставить рядом с ним?

И сам себе ответил:

— Никого.

Я думаю, что если бы Ленин вместо слова «Европа» сказал тогда «весь мир», ответ остался бы таким же бесспорным.

Перевод с вьетнамского М. Н. Ткачева.

АЛЕКСАНДР ВУЧО

Югославский писатель и критик (р. 1897)

Трудно сказать нечто новое о Льве Николаевиче Толстом, об этом колоссе — по выражению Горького, — о силе его ума, о богатстве источников его душевных сил. Трудно сказать нечто новое после всего, что сказано и написано о Толстом и его произведениях не только под этим небом, и не только в нашу эпоху, а уже в течение целого столетия и во всем культурном мире.

Только в моей стране, по неполным данным, которыми я располагаю, опубликовано о Толстом и его творчестве свыше трех тысяч работ, эссе, критических статей, обзоров, заметок. Я думаю, что с моей стороны было бы нескромно заниматься анализом литературного творчества Толстого, этого совершенного зеркала, в котором можно увидеть всю жизнь русских людей, — заниматься анализом произведений, о которых можно уверенно сказать: вот здесь сама жизнь входит в душу и сознание читателей Толстого.

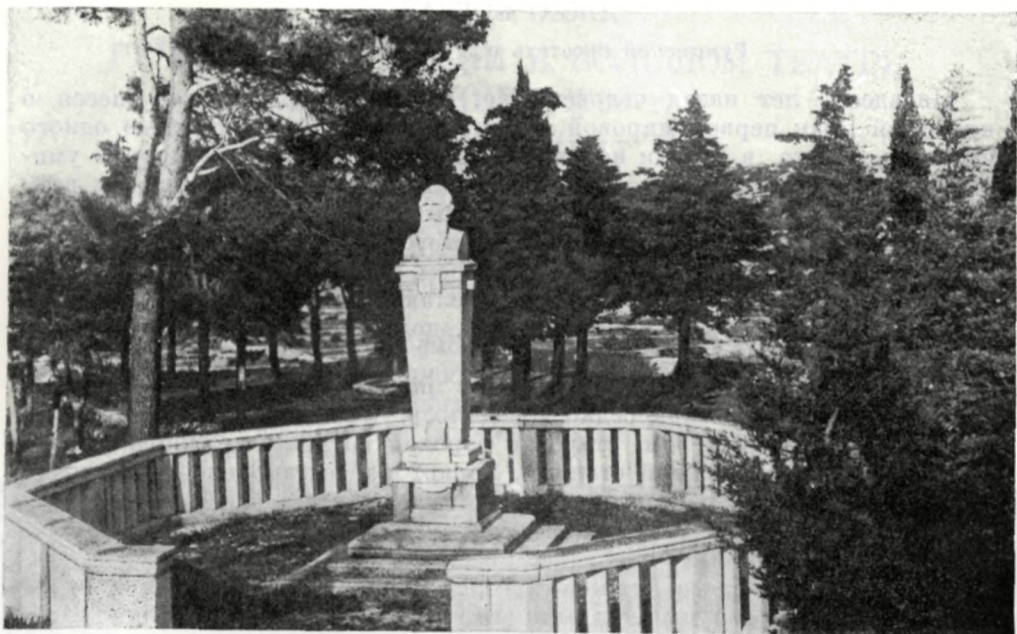
Однако я попытаюсь сказать несколько слов о значении гениального творчества Толстого для мировой и югославской литературы. Неоспоримо, что современная мировая литература определенным образом отделилась от толстовского метода, но так же неоспоримо, что осталась надолго живой и необычайно действенной отличавшая Толстого страсть горения в искусстве и его почти пуританская приверженность к полной и неизменной правде.

Все еще актуальны и долго будут жить в мировой литературе почти все проблемы, которые с таким жаром ставил Толстой, проблемы человеческой этики, проблемы жизни и смерти, человеческого существования, человеческой судьбы. Описывая человеческую жизнь, Толстой не поэтизировал ее, а непосредственно рисовал действительность, срывал маски и снимал грим, за которым часто прячется настоящая жизнь. Толстой смело называл вещи своими именами, и поэтому его творения остаются светочем, памятником не только национальной, но и мировой литературы.

Непреходяще мировое значение Толстого — художника-психолога. Он не ограничивается в своем творчестве изображением результатов психологического процесса; его интересует сам процесс, скрытые, едва заметные явления внутренней жизни человека, явления, меняющиеся с необычайной быстротой и неисчерпаемым разнообразием.

Толстой-мыслитель также жив в наши дни. В его произведениях, как отмечал Ленин, отражается стремительная, трудная, беспощадная ломка всех старых «основ» старой России, — это волнует и многих честных современных писателей в капиталистических странах.

Необычайная долговечность Толстого не только в национальной, но и в мировой литературе объясняется также его отношением к литератур-

ТОЛСТОЙ

Бюст, установленный в местечке Селца на острове Брач (Югославия)
Коллективная работа югославских каменотесов, 1914

Первый памятник Толстому в Западной Европе

Фотография, 1964. Предоставлена «Литературному наследству» Верой Стоич (Белград)

ной форме. Форма для него — не костюм, а кожа, быть может, даже самая плоть литературного произведения. Он считал, что каждый великий писатель должен создавать свои формы и что бесконечное разнообразие присуще не только содержанию художественных произведений, но и их форме. Лучшим подтверждением этих взглядов Толстого являются его собственные произведения.

Толстой в Югославии — самый читаемый и самый любимый из иностранных писателей. И это не фраза. Начиная с 1870 года, когда в новосадском журнале «Даница» печаталось частями его «Семейное счастье», и до наших дней у нас опубликовано свыше ста пятидесяти книг Толстого общим тиражом более полутора миллионов экземпляров — цифра для Югославии весьма внушительная. После освобождения темп изданий произведений Толстого нарастал. Во всех наших народных республиках и на всех национальных языках напечатаны или готовятся к изданию книги Толстого и все чаще появляются собрания его сочинений.

О том, с какой болью воспринята была смерть Толстого в моей стране, может рассказать выдержка из статьи, которая в ноябре 1910 года появилась в литературной газете «Бранково коло», выходящей в начале века в Сремских Карловцах (это небольшой сербский городок на берегу моря, занимающий, однако, большое место по своей культурной традиции).

В этой статье говорилось:

«В лесу упал высокий и могучий дуб, и весь лес стал куда реже и беднее».

Перевод с сербского И. М. Литваковой.

ДЖЕО БОГЗА *

Румынский писатель и журналист (р. 1908)

Пятьдесят лет назад человечество, тогда еще не погрузившееся в кровавый мрак первой мировой войны, было потрясено смертью одного человека. Где-то в России на маленькой железнодорожной станции умирал величайший писатель мира, гигант человеческой мысли. На всех пяти континентах воцарилась тишина, слышались лишь всё более редкие удары сердца Льва Николаевича Толстого.

И когда пасмурным ноябрьским утром это горячее, сильное сердце остановилось, человечество охватила великая скорбь. Смерть Толстого явилась для его современников драмой, долгое время волновавшей умы и сердца...

Умирал великий писатель, человек с мятежной душой, непокорный и страстный, умирал — как редко доводилось умирать тем, у кого за плечами восемьдесят лет. Он, старец с бородой патриарха, умирал на маленькой железнодорожной станции, на которой остановился под чужим именем, бежав ночью из своего дома, как стремительный, непокорный юноша. Умирал, гонимый ненавистью царских жандармов. Умирал, вызывая слезы на глазах у русских крестьян.

Горячо желая блага ближним, Толстой порой заблуждался в своих поисках. Но его заблуждения были заблуждениями титана, заблуждениями трагического и глубокого ума.

Рыбаки, живущие на берегу моря, бывают иногда свидетелями страшных кораблекрушений. В бурном, окутанном туманом море натолкнувшийся на скалу корабль тонет, погружаясь в черную бездну. Во мраке ночи слышатся пушечные выстрелы, тщетно посылаются сигналы бедствия, затопляемый огромными волнами корабль медленно идет ко дну.

Смерть Толстого потрясла все человечество, словно оно увидело крушение невероятно огромного корабля.

С тех пор прошло пятьдесят лет. И сегодня мы с благоговением вглядываемся в лицо Толстого.

Как румынский писатель я с глубоким почтением склоняю голову перед памятью великого Толстого. Слава этого титана, мы славим гений русского народа, который в наши дни ценой величайших жертв и с легендарным героизмом решил многие из основных проблем человечества.

За последние годы, с тех пор как между румынским и советским народами установились глубоко дружественные связи, произведения Толстого получили в нашей стране самое широкое распространение. За это время было опубликовано пятьдесят четыре названия произведений Толстого, общим тиражом в семьсот — семьсот пятьдесят тысяч экземпляров. Оценка, данная Толстому Лениным, явилась для нас важным руководством в решении сложной проблемы литературного наследия. В наших журналах появились десятки исследований, сотни статей о творчестве Толстого. Внимательно присматриваясь к окружающей действительности, наши писатели всегда стремятся следовать примеру советской литературы, великих русских классиков и, прежде всего, Льва Николаевича Толстого.

Название одного из самых известных произведений Толстого выражает основную проблему современной жизни человечества — это «Война и мир».

Отмечая пятидесятилетие со дня смерти великого русского писателя, мы должны умножить свои усилия в борьбе за победу мира во всем мире.

Перевод с румынского И. Ф. О г о р о д н и к о в о й.

* Текст речи поступил с опозданием и не был оглашен. — *Ред.*